

Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ

Против идеализации реакционных взглядов Достоевского

Вышли в свет три новые книги о Достоевском: книга А. Долинина «В творческой лаборатории Достоевского» и две книги В. Кирпотина — «Ф. М. Достоевский» и «Молодой Достоевский».

Достоевский — выдающийся русский писатель, мастер художественного образа и слова. Он в то же время один из самых страстных противников социализма, революции, демократии. Это дало возможность буржуазным критикам, публицистам и литературоведам развести вокруг Достоевского злонамеренную путаницу.

Можно приветствовать каждый новый труд, разоблачающий эту путаницу и помогающий лучшему пониманию сложного и противоречивого творчества Достоевского, не приукрашивая его и не уменьшая его достоинств, не пытаясь высокой художественной формой оправдать реакционную сущность мировоззрения писателя.

Этого нельзя сказать, к сожалению, о книгах А. Долинина и В. Кирпотина. Они не только не разоблачают буржуазную путаницу, а еще больше способствуют ей. Мало того, они фальсифицируют подлинный художественный и идейный облик Достоевского, пытаясь подкрасить его «под социалиста».

Для этого создана неверная, противоречащая фактам схема жизни и творчества Достоевского. Искусственно она разбита на три периода. Первый — это сороковые годы. В это время Достоевский — будто бы единомышленник Белинского, социалист (утопический), революционер. Второй период — после каторги, 60-е и первая половина 70-х годов. Достоевский в это время по схеме — реакционер, разъедаемый сомнениями и колебаниями. Третий период — вторая половина семидесятых

годов до смерти Достоевского в 1881 году. В это время якобы происходит возвращение Достоевского к идеям сороковых годов.

В книге В. Кирпотина «Молодой Достоевский» рассмотрен первый период. В книге А. Долинина «В творческой лаборатории Достоевского» — последний период. Небольшая книжка В. Кирпотина «Ф. М. Достоевский» как бы объединяет все три периода.

Кирпотин считает 40-е годы важнейшим периодом в жизни Достоевского. Он пишет: «И в идейном и в художественном отношении в сороковых годах был заложен фундамент мировоззрения Достоевского, в эти же годы определился характер его мастерства».

Важнейшее событие в этом периоде — дружба с Белинским после выхода в свет «Бедных людей», увлечение идеями утопического социализма, участие в революционном кружке Петрашевского.

Известно, что Белинский сначала признал Достоевского «своим». Он отмечал, что в повести «Бедные люди» Достоевский обнаружил веру в человека из трудовой среды. А эта вера, по словам В. Кирпотина, была основой идеала Белинского, который «отвергал презрительное или отрицательное отношение к человеку».

Но вскоре произошел полный разрыв между Достоевским и кружком Белинского. Достоевский склонен был приписывать это «внешним обстоятельствам». Но это, само собой разумеется, не так. Разрыв был глубоко идейный. Он произошел после появления повести «Двойник» и других произведений, в которых человек был представлен как раз в отрицательном и вызывающем презрение виде.

Разрыв между Белинским и Достоевским должен бы, казалось, привлечь к себе пристальное внимание исследователя-марксиста. Мы этого не видим в работе В. Кирпотина. Напротив, он пытается сгладить острые углы идейного расхождения. Он пишет: «...разрыв личных отношений тогда, в 1847–1848 годах, не означал еще идейного разрыва...». Он прибегает к смешотворному и явно фальшивому объяснению: «Белинский был мыслителем... Достоевский был художником».

Между тем, если причины разрыва могли быть еще неясны в сороковых годах, когда Достоевский только начинал свою литературную деятельность, то они совершенно ясны теперь, когда перед нами вся его деятельность. Разрыв свидетельствует о гениальной пронизательности Белинского.

Достоевский считал «Двойника» самой значительной своей повестью в 40-е годы. Он придавал ей значение несравненно большее, чем «Бедным людям». А в «Двойнике» Достоевский впервые изобразил раздвоение в человеке, которое впоследствии возвел в закон природы человеческой души. В Голядкине совмещаются противоположные качества: в нем есть нравственное начало и полная аморальность; в нем есть чувство собственного достоинства и доведенное до крайности лакейство, трусость и наглость. Голядкин слаб, он не выносит своей раздвоенности и погибает. Мы знаем, как впоследствии использовал Достоевский свою идею присущей человеку раздвоенности на иных примерах, иных характерах. Не «инстинктивно», как предполагает В. Кирпотин, а глубоко сознательно Белинский разглядел в фигуре Голядкина образ, прямо противоположный Макару Девушкину, образ, враждебный всему мировоззрению передовой литературы. Белинский не мог знать, что из этого образа, как из зерна, вырастет вся философия двурушничества, предательства и провокации, которая пышно распустилась потом в «Бесах» и других романах Достоевского. Когда современный исследователь проходит мимо этого действительно важнейшего момента в творчестве Достоевского, он извращает его идейный и художественный облик.

Таким образом, не «вместе» с Белинским шел Достоевский в 40-е годы, а «врозь» они шли. Кирпотин пишет: «Н. Греч ставит имя молодого Достоевского непосредственно вслед за Белинским, настолько оно казалось ему синонимом «тлетворных» идей. И это было в самом деле так». Нет, это не было в самом деле так! И если матерому реакционеру Гречу позволительно было валить в одну кучу всех писателей, зараженных «тлетворными» идеями, то поистине странно видеть Кирпотина в компании с Гречем! Достоевский участвовал в кружке Петрашевского, читал там знаменитое письмо Белинского к Гоголю, увлекался идеями утопического социализма. Это общеизвестно. Это говорит о том, что в конце 40-х годов Достоевский и сам еще не разбирался в собственных противоречиях. Но идейный разрыв с Белинским обязывает исследователя внимательнее присмотреться к идейному багажу талантливому писателю: с чем он пришел в кружок Петрашевского и какими идеями утопического социализма он увлекался. В работе «Молодой Достоевский» В. Кирпотин и не ставит перед собой таких задач. Он механически отрывает первый период жизни Достоевского от всей последующей его жизни.

Распространено представление о том, что каторга будто бы «сломила» Достоевского и вызвала коренной перелом в его жизни и творчестве. Это неверно. Это отрицал и сам Достоевский. Да если бы это и было так, то надо было бы объяснить, почему «сломился» Достоевский и остались верны себе Петрашевский и многие другие революционеры и того и позднейшего времени. Белинского не сломила бы никакая каторга, как не сломила она и Чернышевского.

На каторгу Достоевский пришел с Голядкиным в душе. О Голядкине первая его мысль после возвращения из ссылки. Значит, он думал о нем, о раздвоении человеческой души и тогда, когда переживал в камере среди каторжных поражение революционного кружка, крушение своих революционных иллюзий. Он писал в 1859 году, стремясь возобновить литературную деятельность, что намерен исправить «Двойника»: «Зачем мне терять превосходную идею, величайший тип по своей социальной важности, который я первый открыл и которого я был провозвестником?» (Достоевский Ф. Письма. Т. I, с. 257).

И предполагал сделать своего нового Голядкина революционером, социалистом, ввести в кружок Петрашевского... Сам же Кирпотин пишет, что, по мысли Достоевского, «Голядкин оказался бы провокатором».

Вот как разрослась в своем объеме фигура Голядкина! Это уж не ничтожный чиновник, не вместивший в себе раздвоенности. Это «революционер». Мы видим, какая идея преследует Достоевского, и можно лишь поражаться слепоте Кирпотина, который пишет: «Идею «Двойника», которой Достоевский придавал такое огромное значение, он так и не довел до полной выпуклости и наглядности». Уж что может быть выпуклее, чем целая коллекция провокаторов, двурушников, предателей в «Бесах»! По чину и званию Голядкин не чета Ставрогину. А по сути это то же соединение в человеке красоты и уродства, веры и неверия, мечтаний о коммунизме, о какой-то «гармонии» и преступного изуверства. И в заключение неизбежный крах человека: Голядкин сошел с ума, Ставрогин повесился.

«Бесы» колют глаза апологетам Достоевского из числа либеральных критиков. Но если этот роман и выделился из числа других, то только своей вульгарностью, низкопробностью клеветы против революции. А по сути в нем та же идея, что и в «Преступлении и наказании». В Раскольнике совмещены высокие, благородные порывы и способность к уголовному разбою, подлому убийству. Это не только от нищеты, не только

от безвыходного положения Раскольников представлен убийцей, а потому, что этого требует «философия» Достоевского. По Достоевскому, нет выхода из противоречий, если нет веры в Бога. Без религии, без церкви непременно победит в человеке злое начало, «содомское», и чем умнее человек, чем больше держится он материалистических идей, чем ближе он к социализму, тем более неудержимо влечется он к преступлению. Атеизм по Достоевскому равнозначен преступлению, убийству, растлению малолетних.

Из каторги Достоевский вынес страстную вражду к материализму, к демократии, к социализму. Конечно, он не мог забыть сороковые годы и непрестанно возвращался к ним, но всегда как враг, как изменник, сознающий свою измену. Он ставил задачей отомстить грядущим поколениям за «грехи» и «заблуждения» своей молодости. Он избрал теперь все передовое, прогрессивное, чтобы именно на нем примерять своего Голядкина. Он делал это страстно. Как большой художник, он вносил в свое творчество яркие краски. Он отражал при этом в романах и повестях быт и нравы России своего времени. Ему в особенности, ввиду своеобразного дарования, удавалось изображать противоречия общественной и личной жизни, создавать образы и характеры большой силы, но сам он все больше утверждался в своем мрачном, реакционном мировоззрении и все с большей озлобленностью набрасывался на новые, передовые, революционные явления в жизни России. Как художник и публицист, он служил правому лагерю, сближаясь с крайними монархистами. В отравлении русской молодежи идейным ядом была его прямая задача. Нельзя без недоумения читать у Кирпотина о том, что в «глубине души» Достоевского «осталось сознание справедливости идеалов его юности, свободы, равенства, социальной гармонии» («Ф. М. Достоевский», с. 23). Это попытка реабилитировать реакционную сущность мировоззрения Достоевского.

«Бесы» были неудачей Достоевского. Он попал в одну компанию с такими бездарными реакционными клеветниками, как Крестовский и Ключников. Роман, в котором все деятели революции были размалеваны как воры, грабители, убийцы, провокаторы, мошенники, не привлекал, а отталкивал даже умеренного читателя.

Следующие за «Бесами» произведения Достоевского более сложны по форме. Но и они служат той же цели. Борьба противоречивых страстей в душе человека приводит к моральному

крушению, и только религия может спасти от гибели. Всюду, в различных формах, сосуществование в мыслящем человеке возвышенных и низменных начал приводит человека к преступлению, к гибели, к самоубийству. Это как бы непреложный закон. По Достоевскому, выход только в отказе от борьбы, в смирении, в церковном покаянии. Догматический метод не был бы убедителен для русской молодежи. Его без успеха практиковала официальная церковь. Достоевский искусно применяет метод столкновения противоречивых взглядов. Его герои страстно спорят. Романы и повести превращаются в цепь диалогов, и Достоевский старается придать остроту тем взглядам, которые должны затем проявить свою идейную и моральную несостоятельность. Достоевский как бы вкрадывается в доверие к своему читателю, подкупает своим внешним сочувствием к революционному деятелю, чтобы затем показать в нем другую, низменную сторону, унижить, осудить его.

Таково существо и романа «Подросток», с которого А. Долинин начинает свое повествование о третьем периоде в жизни Достоевского, как о «каком-то поворотном пункте» его идейного развития.

«Подросток» печатался в «Отечественных записках», в журнале, редакция которого объединила революционных демократов Некрасова и Салтыкова-Щедрина с народниками демократического и либерального лагеря. Народников типа Скабичевского нетрудно было поддеть приемом, о котором шла речь выше. Но как относился к «Подростку» Щедрин? Долинину как будто это неизвестно. Он еще в 1935 году, фабрикуя свою схему, писал в книге «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования»: «...Его (Скабичевского. — Д. З.) точку зрения на Достоевского разделяли, если не целиком, то в очень большой мере, и главные руководители журнала, может быть, в том числе и Салтыков». Может быть! В действительности Салтыков-Щедрин писал по поводу 5-й книги «Отечественных записок», в которых был напечатан «Подросток»: «...первый отдел плох. Роман Достоевского просто сумасшедший» (Соч., т. XVIII, с. 292). У Салтыкова-Щедрина был определенный взгляд на Достоевского: «С одной стороны, у него являются лица, полные жизни и правды, с другой — какие-то загадочные и словно во сне мечущиеся марионетки, сделанные руками, дрожащими от гнева...» (Соч., т. VIII, с. 438).

В «Подростке» таких «марионеток» меньше, чем в других произведениях, но от этого не меняется общее направление ро-

мана. Раздираемые противоречивыми страстями, безбожные герои терпят крушение, они ищут и не могут найти смысла жизни. В лице Версилова осмеяны передовые люди 40-х годов. Всем этим Голядкиным, приобретшим внешнее благообразие, противопоставлен верующий в Бога странник Макар, разрисованный так, чтобы он и церкви был угоден и народникам приятен.

За «Подростком» следует роман «Братья Карамазовы» с пресловутой «Легендой о Великом инквизиторе», которую с одинаковым основанием можно назвать «Легендой о великом провокаторе». Идея двурушничества, предательства и провокации разработана в этом романе с большей утонченностью, с большей сложностью, чем во всех предыдущих произведениях, с еще большей страстностью и с выдающейся художественной силой. Перевоплощения Голядкина в Иване Карамазове достигают кульминационного пункта. Ракитин говорит о нем: «Этим разнузданным, безудержным натурам ощущение низости падения так же необходимо, как и ощущения высшего благородства... Две бездны, две бездны в один и тот же момент».

Так до конца своей жизни, завершая ее «пушкинской речью» о двойственности природы русского передового интеллигента, Достоевский проводит свою линию на моральное уничтожение идеи демократии и социализма. Он верен себе в этом своем призвании противника революции, защитника монархии и церкви. А Долинин и Кирпотин пытаются уверить нас, что Достоевский будто бы стал иным, приблизился к революционным и демократическим кругам, что он будто бы снова вспылал любовью к идеалам 40-х годов. И до чего же доходят они в своем стремлении приукрасить реакционный облик Достоевского! Долинин предполагает, что Достоевский, если бы дожил до 1905 года, приветствовал бы рабочий класс. Кирпотин идет еще дальше. Чудовищно звучат его слова о том, что Достоевский предчувствовал социалистическую революцию в России... Это вздор! Достоевский действительно пророчил России, русскому народу великую роль в будущем, пророчил первое место среди народов мира. Но он усматривал эту роль как раз в том, что русский народ своим «смирением», своими христианскими добродетелями спасет весь мир от победы социализма — победы, которая ему, запуганному, консервативному публицисту, представлялась в виде всемирной катастрофы и гибели цивилизации. Но, быть может, нет ныне необходимости вспоминать об этой стороне в жизни и творчестве Достоевского, об его политическом мировоззрении?

«Для Достоевского давно уже наступил суд потомства», — объявляет Кирпотин. («Ф. М. Достоевский», с. 77). Что это значит? Не должен ли ныне «суд потомства» пересмотреть прежние оценки и установить новое, иное отношение к Достоевскому?

Известно, что в 1913 году происходил довольно страстный «суд потомства». А. М. Горький выступил тогда против попыток идеализации Достоевского. Он писал о том, что Достоевский это «злой гений» русского народа. Горький признавал высокие художественные достоинства ряда произведений Достоевского. Но Горький решительно возражал против реакционных сторон его мировоззрения. На Горького обрушились тогда все либеральные публицисты, сделавшие Достоевского знаменем реакционного похода против революции.

Большевики поддержали Горького. Это очень хорошо известно, но ни слова об этом не найти у В. Кирпотина. Он не упоминает об этом по той причине, что высказывания Горького уничтожают ту фальшивую схему, которая понадобилась и Долинину и Кирпотину для реабилитации реакционной сущности творчества Достоевского. По-видимому, Кирпотин считает, что в страстных спорах вокруг Достоевского прав был не Горький, а противный ему лагерь менявших вехи либералов.

Ссылка Кирпотина на «суд потомства» выражает вредную тенденцию лженаучного «объективизма», попытку оторвать литературу от политики, подменить надутым «академизмом» партийную постановку вопроса.

Хорошо известно, что реакционное учение Достоевского используется и ныне врагами советского народа, врагами рабочего класса и социализма для клеветнических нападок на Советский Союз, на социалистическую культуру. Германский фашист Розенберг в Раскольникове находил разгадку пресловутой «загадочной русской души». Он клеветал на русский народ как на народ Раскольниковых.

Достоевский — духовный отец двурушничества. Не удивительно, что реакционные стороны его творчества были одним из источников, питавших двурушников и предателей.

Вся зарубежная реакция, все проповедники упадочничества, разложения, политической мертвечины, все мистики разных толков в реакционных страницах Достоевского ищут и находят оправдание для своей подлой работы, предательства и провокации. Советская литература призвана вести непримиримую борьбу со всеми попытками заразить общественность гнилостными продуктами идейно-политического разложения и маразма. Нет

ничего вреднее желания навести розовый глянец на реакционный облик Достоевского. Его мировоззрение глубоко враждебно марксизму-ленинизму, социалистической демократии, отличительной чертой которых является оптимизм, вера в человека-труженика, человека-мыслителя, человека-творца. Марксизм-ленинизм клеймит и преследует реакционную проповедь аморальности. Борьба за социализм создает высокую этику душевной чистоты, цельности и благородства. <...>

* * *

Достоевский — выдающийся русский писатель. В своих произведениях, даже наиболее изуродованных реакционной тенденцией, он дал ряд живых и правдивых картин русской жизни, ряд верных и художественно сильных образов. «Бедные люди», «Записки из Мертвого дома» вошли в классическую нашу литературу. И в других романах и повестях, даже в «Бесах», есть превосходные изображения русского дореволюционного общества. С подлинным сатирическим ядом Достоевский рисовал нравы капиталистической буржуазии и чиновничьей бюрократии. Достоевский умел вызывать сочувствие читателя к обиде и боли маленьких людей, задавленных капитализмом, — это и необходимо было ему для его основной цели, для пропаганды идей смирения перед существующим строем, для утешения страдающих, униженных и оскорбленных. Но он размахивал нищенской сумой не для того, чтобы возбудить в сердцах униженных и оскорбленных чувство гнева и жажды борьбы с властью имущими, а для проповеди смирения и покорности. Печальным недоразумением надо признать, что советские литературоведы могли старую игру реакционеров на «социалистических» мотивах принять за возвращение Достоевского к идеалам Белинского.

К этому приводят ложный «объективизм» и отсутствие партийного, боевого, большевистского отношения к науке.

Реакционная печать клеветала и клеветает, будто Достоевский находится чуть ли не под запретом в Советском Союзе. Это ложь. Его сочинения издаются и переиздаются. Но именно поэтому должен быть ясен советскому читателю, советской молодежи идейный и художественный облик Достоевского без всяких прикрас. В прошлом неустойчивую молодежь смущали софизмы Ивана Карамазова и самого Достоевского, привлекала и сбивала с толку реакционная игра на противоположных страстях.

Народническая критика не способна была дать отпор ей. Либеральная — шла на поводу. В свете марксизма-ленинизма все эти словесные фиоритуры о вере и неверии, об идеале содомском и идеале Мадонны, о приятии и неприятии мира представляются дешевой философски-богословской болтовней дурного вкуса. Горький резко и правдиво назвал ее «словоблудием».

В своей попытке реабилитировать реакционную сущность мировоззрения Достоевского А. Долинин и В. Кирпотин на деле повторяют зады либерально-буржуазной критики.

